

Библиотека
новой экономической
ассоциации

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ТЕОРИИ
В ПРОСТРАНСТВЕ
И ВРЕМЕНИ

Коллектив авторов

**Экономические теории в
пространстве и времени**

«Алетейя»

2020

УДК 330.8
ББК 65.02

Коллектив авторов

Экономические теории в пространстве и времени / Коллектив авторов — «Алетейя», 2020

ISBN 978-5-00165-173-4

В отличие от естественных наук, где отвергаются теории, ложность которых доказана с помощью строгих экспериментов, объект экономической науки можно исследовать с помощью различных абстракций, ни одна из которых не может окончательно вытеснить остальные. Из этого следует, что отвергнутые теории в экономике не значат опровергнутые. В книге приводится ряд примеров отвергнутых или забытых экономических теорий, интерес к которым возродился в новые времена, и которые по-прежнему представляют собой достойный объект исследования. Настоящая монография подготовлена международным авторским коллективом на основе материалов 1-й Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики «Экономическая наука: забытые и отвергнутые теории».

УДК 330.8
ББК 65.02

ISBN 978-5-00165-173-4

© Коллектив авторов, 2020
© Алетейя, 2020

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Роль научного сообщества	9
Критика 1-го типа (инкрементальная): теория устарела относительно новых фактов	11
Критика 2-го типа (радикальная): теория устарела относительно новой методологии	12
Критика 3-го типа (тотальная): теория устарела вместе со всей экономической системой	13
Два слова о научных революциях	14
Три типа критики в истории экономической науки	15
Глава 2	22
Введение	23
Истоки	24
Исходные предпосылки	26
Механизмы вмешательства государства	28
Критика	30
Языковые игры?	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Экономические теории в пространстве и времени

Предисловие

Эта книга возникла в результате многочисленных дискуссий в ходе международной конференции, посвященной забытым и отвергнутым теориям в экономической науке, проходившей в Москве в течение трех дней в октябре 2019 г.

Интерес к такой теме объясним: в отличие от ситуации в естественных науках, где отвергаются теории, ложность которых доказана с помощью строгих экспериментов, объект экономической науки можно исследовать с помощью различных абстракций, ни одна из которых не может окончательно вытеснить остальные. Из этого следует, что отвергнутые теории в экономике не значат опровергнутые.

Можно говорить даже о наличии такой специфической формы существования «научной материи», как пространственно-временной континуум: окружающий нас мир имеет три пространственных измерения и одно временное, которые органически связаны в единое целое. Все зависит от точки отсчета, которую выбирает наблюдатель, – в данном случае экономист, исследующий различные теоретические конструкции, сформировавшиеся в разных странах и разное историческое время, отвергаемые в прошлом и возрождающиеся при смене обстоятельств в новом времени.

В связи с этим мы попытались выделить несколько направлений исследований, которые, собственно, и определили состав авторов и структуру данной монографии, состоящую из пятнадцати глав.

* * *

Открывает книгу глава, в которой содержатся попытки общего анализа причин того, почему некоторые теории подвергаются разного вида критике, их ставят на полку, а затем иногда берут обратно и находят в них созвучие новым реалиям. Этот анализ продолжен в главе, где исследуется общее и особенное двух теоретических построений, имеющих разную историческую судьбу, – мериторики и либертарианского патернализма.

Популярная тема экономического национализма – обоснования протекционистской политики, меркантилизма и камерализма – представлена в трех главах. Это легко понять: из двух канонов экономической мысли, выделяемых рядом авторов¹, более конкретный из них, не игнорирующий в анализе уровень нации и нацеленный на активную политику по развитию производительных сил, традиционно находился на периферии магистрального пути экономической науки. По сравнению с более абстрактным канон в последние лет 80 его вполне можно назвать отвергнутым, но вряд ли забытым. В некоторые периоды он выходит на первый план, особенно если речь идет не об академической науке, а о политике, ориентированной на определенным образом понятые национальные интересы. Последние годы, богатые кризисами

¹ См.: Райнерт Э. (2020). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. 7-е изд. М.: Изд. дом ВШЭ; Автономов В.С. (2013). Абстракция – мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) // Вопросы экономики. № 4. С. 4–23.

и потрясениями в мировой политике, ознаменовались очередным возрождением экономического национализма – отсюда, видимо, и интерес к данной теме.

Близки к вышеупомянутой тематике главы, посвященные роли государства в экономике. Между политическим активизмом и либеральной политикой существует постоянная борьба, в которой верх одерживает то одна, то другая сторона. Соответственно, оппоненты пополняют ряды отвергнутых теорий, чтобы на следующей фазе движения маятника вернуться в центр внимания.

Вряд ли может удивить и то, что в монографию включены главы, посвященные марксистской экономической теории. Совсем недавно научный мир отмечал 200-летие Карла Маркса. Его наследие для мировой и особенно русской экономической мысли – предмет оживленных дискуссий, и если для одних участников экономическое учение Маркса по-прежнему все-таки сильно и верно, то для других оно представляет собой наиболее яркий пример отвергнутого мировой экономической наукой теоретического направления. Думаем, не случайно и то, что второй теоретической традицией, удостоившейся внимания, стала австрийская школа, накопившая длительный опыт развития основных идей, усвоения и неприятия.

Отдельные главы монографии посвящены развитию национальной экономической мысли отдельных стран. В одной из них рассматривается вопрос недооценки или, если хотите, незаслуженного забвения вклада итальянских экономистов по сравнению с англо- франко- и немецкоязычными. Совсем недавно на русском языке вышел учебник истории экономической мысли итальянского автора Алессандро Ронкальи², который позволяет отечественному читателю убедиться в этой исторической аберрации. В последнее время глобальный интерес к Китаю охватил и историков экономической мысли. Но пока для подавляющего большинства историков китайская экономическая мысль – это *terra incognita*, и в этом смысле глава, посвященная ее истокам, позволит хоть немного заглянуть за завесу нашего незнания.

Ну и, наконец, отметим главы, посвященные одному из центральных сюжетов данной монографии, – истории русской и советской экономической мысли, в которой, с нашей точки зрения, очень много незаслуженно забытого и отвергнутого.

В целом, как нам кажется, настоящая книга является подтверждением того, что отвергнутые и забытые экономические теории – интересный и достойный объект исследования, и они могут еще не раз сыграть свою роль в разные исторические эпохи.

Монография подготовлена международным авторским коллективом в составе:
предисловие – В.С. Автономов (НИУ ВШЭ, ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова), А.Я. Рубинштейн (ИЭ РАН, ГИИ),
глава 1 – В.С. Автономов (НИУ ВШЭ, ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова),
глава 2 – А.Я. Рубинштейн (ИЭ РАН, ГИИ),
глава 3 – Г.Д. Гловели (НИУ ВШЭ),
глава 4 – G.J.-P. Campagnolo (CNRS, France, Aix-Marseilles University, CNRS and EHESS, London School of Economics),
глава 5 – В.В. Арсланов (ИЭ РАН),
глава 6 – О.А. Славинская (ИЭ РАН, ГИИ),
глава 7 – Р.С. Гринберг (ИЭ РАН),
глава 8 – Д.Е. Расков (СПбГУ, РАНХиГС),
глава 9 – О.Н. Борох (ИДВ РАН),
глава 10 – Н.Н. Неновски (University of Picardie, France, НИУ ВШЭ),
глава 11 – В.М. Полтерович (ЦЭМИ РАН, МШЭ МГУ),
глава 12 – А.Л. Дмитриев (СПбГЭУ, СПбГУ),

² Ронкалья А. (2018). Богатство идей. История экономической мысли. М.: Изд. Дом ВШЭ.

глава 13 – П.А. Минакир (ИЭИ ДВО РАН),

глава 14 – F. Allisson (University of Lausanne),

глава 15 – Р.М. Нуреев (Финуниверситет при Правительстве РФ, ИЭ РАН).

Надеемся, что это издание окажется интересным и полезным для многих исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, в центре внимания которых находится проблематика истории экономической мысли и в целом теоретической экономики.

Член-корреспондент РАН, профессор В.С. Автономов

Заслуженный деятель науки РФ, профессор А.Я. Рубинштейн

Глава 1

Кто, как и почему отвергает экономические теории

В.С. Автономов

В главе приводится классификация подходов к тому, как и за что выдающиеся экономисты критикуют своих предшественников. Выделяются инкрементальная критика за несоответствие старой теории новым реалиям, радикальная критика, отвергающая старый метод и заменяющая его новым, и тотальная критика, направленная не только на прежнюю теорию, но и на социально-экономическую систему, ее породившую. Классификация рассматривается на примерах Смита, Листа, Маркса, Джевонса, Менгера, Веблена, Шумпетера, Кейнса и Лукаса.

В данной главе речь будет идти не о забытых, а об отвергнутых теориях, т.е. отброшенных сознательно, волевым актом. Это позволит нам сосредоточиться на ученых-экономистах, тогда как «забывать» экономические теории может и широкая публика. Используя шумпетеровские термины, наверное, можно сказать, что вопрос о забытых теориях скорее относится к «экономической мысли», а об отвергнутых – к «экономическому анализу».

Кроме того, необходимо уточнить, что мы будем преимущественно говорить об отвержении *теорий, доселе господствовавших. Так что речь пойдет о сдвигах или революциях в мейнстриме экономической науки.*

Вопрос об отвергнутых теориях имеет для экономической науки, как и для других общественных дисциплин, более важное значение, чем для естественных. В экономической науке не бывает заведомо правильных и неправильных теорий. Экономические теории, изучающие такой сложный объект как поведение людей, вначале упрощают его с помощью абстракций. Выбор абстракции, на которой строится теория (предположим, что последняя логически непротиворечива), зависит от автора, он не может считаться *безусловно* правильным или неправильным, а лишь адекватным или неадекватным поставленной задаче. Отвержение не подразумевает опровержения. Поэтому отвергнутые теории не выбрасываются в мусорную корзину, а, скорее, ставятся на полку, чтобы достать их, когда придется решать подходящую задачу. Как остроумно отметил Луиджи Пазинетти: «В экономике необходима защита потенциала меньшинств» (*Pasinetti, 2002. P. 134*). История экономической науки гораздо более важна, чем, например, история физики, в которой последующие теории либо опровергают предыдущие, либо включают их в себя как частные случаи.

Роль научного сообщества

В настоящее время главную роль в критике и отвержении экономических теорий играет научное сообщество экономистов. У него для этого есть такие инструменты, как конференции, научные журналы (с различными рейтингами), авторитетные премии и т.д. Но так было не всегда. В домаржиналистскую эпоху судьбу экономических теорий решала более широкая и менее однородная группа читателей и ценителей. В середине XIX в. тон задавала пресса (в Англии, например, газета «Экономист»). Не случайно Блок назвал «век девятнадцатый, железный» веком «разбиванья лбов о стену экономических доктрин» (Блок, 1989. С. 327). Лбы разбивала обширная публика вроде «глубокого эконома» Евгения Онегина, читавшего Адама Смита и занимавшего последовательно антимаркантистские позиции, а также «иной дамы», читающей Сэя и Бентама. Именно к этой широкой просвещенной публике и были обращены «Богатство народов» Смита, «Трактат политической экономии» Сэя и «Национальная система политической экономии» Листа. Именно ей, по вполне понятным причинам, не пришлось по вкусу труды протомаржиналистов и первых экономистов-математиков Курно, Дюпюи, Тюнена и Госсена³. Успех Рикардо, видимо, был вызван «рикардианским грехом» – политическими предложениями об отмене Хлебных законов, которые Рикардо пытался основать на весьма абстрактной для своего времени теории. Научное сообщество возникло только в конце XIX в. как важнейшее последствие маржиналистской революции, которая создала язык и метод исследования, применение которых (между прочим, в силу их абстрактности) оказалось универсальным. Правда, экономисты расширяли применение маржиналистского/неоклассического инструментария постепенно, но национальные ассоциации экономистов, экономические факультеты и первые экономические журналы возникли в 1890-е гг., когда второму поколению маржиналистов удалось закрепить за своей теорией ведущие позиции. С тех пор неоклассика составляет основу так называемого мейнстрима, т.е. ведущего течения, признаваемого таковым большинством экономистов (хотя и не консенсусом). Таким образом, то, что входит в мейнстрим, является принятым, а то, что не входит – можно считать отвергнутым большинством экономистов. Здесь следует отметить, что состав мейнстрима не является постоянным: одни направления выходят из него (кейнсианство), другие входят (неоинституционализм, поведенческая экономика). Так что отторжение не является проклятием на всю жизнь. Достаточно надежным критерием входа в мейнстрим экономической теории являются Нобелевские премии, которые, за редчайшим исключением, отражают точку зрения научного сообщества. В отличие от Нобелевской премии мира, которую можно получить авансом, в надежде, что человек совершит, то, что обещает, премии по экономике часто присуждаются с опозданием на несколько десятилетий (Хайек, Коуз). Что же происходит с теориями, или точнее теоретическими направлениями, исследовательскими программами, не признанными частью мейнстрима? Они существуют в своей нише, не позволяющей их приверженцам служить в самых престижных университетах, получать Нобелевские премии, медали имени Дж.Б. Кларка и т.д. Но каждая такая ниша имеет свою ассоциацию, свои журналы и конференции, свой «гамбургский счет», а также может учредить свои премии.

Но в этой главе мы остановимся не на коллективном, а на индивидуальном отвержении экономических теорий. Отвержение научным сообществом – в первую очередь, проблема социологии науки. Но научное отвержение теорий так или иначе основывается на их критике индивидуальными экономистами, предлагающими определенные альтернативы. Вместо

³ Французских математиков-инженеров (Курно, Дюпюи) не отвергли и не забывали – они просто проходили по другому департаменту (в то время экономисты в университетах работали профессорами юрфаков, в прессе выступали в роли публицистов-либералов). Что касается Тюнена и Госсена, то их следует характеризовать как экономистов-любителей.

отвергнутой теории выдвигается своя. Индивидуальное отвержение – проблема в значительной степени психологическая: так маржиналист Джевонс признавал себя революционером, а маржиналист Маршалл – эволюционистом-систематизатором. Ниже мы приводим классификацию видов индивидуальной критики.

Критика 1-го типа (инкрементальная): теория устарела относительно новых фактов

В данном случае критик исходит из того, что старая теория была вполне адекватна прежним реалиям, но в новое время является анахроничной и не может быть приложена к практике без существенных исправлений и усовершенствований. При этом критерием адекватности метода и научной строгости является соответствие фактам, а поскольку они со временем меняются, этот критерий является исторически относительным. Здесь возникает важный вопрос: существуют ли основополагающие вневременные законы, на которые должна опираться любая теория? С одной стороны, если дело можно поправить дополнениями и исправлениями, это наводит на мысль, что такие законы могут быть, и поэтому новый подход может обладать преемственностью относительно прежнего. Критики, делающие акцент на преемственности, позиционируют себя не как революционеры, а как систематизаторы всего накопленного до них теоретического багажа. Самый яркий пример такого систематизатора представляет собой Альфред Маршалл, который именно благодаря этим своим свойствам смог внести мощный вклад в победу маржиналистской революции. Этим он, в частности, отличался от Девонса, ощущавшего себя именно революционером, сбросившим старый миллевский метод с парохода современности.

Инкрементальная критика допускает возможность движения по спирали и возвращения к отвергнутым ранее идеям на новом уровне. Например, последовательность – Мальтус – Рикардо – Кейнс – сопровождалась переходом от краткосрочного к долгосрочному подходу и обратно.

Критика 2-го типа (радикальная): теория устарела относительно новой методологии

В данном случае прежний метод экономической науки признается неверным, в том числе и в случае применения к прошлой реальности. Здесь мы имеем революционную ситуацию: необходим полный разрыв с прошлым подходом, преемственность невозможна и может носить лишь иллюзорный характер (например, так называемая цепочка Джевонса объясняет *кажущееся* влияние издержек на ценность благ, в то время как на самом деле ее полностью определяет предельная полезность). Критерии адекватности метода в данном случае носят абсолютный характер: это, прежде всего, соответствие методам естественных наук, логическая последовательность, техническая продвинутость, степень общности (теория предельной полезности была универсальной, тогда как классическая теория издержек пыталась объяснить лишь случай свободно воспроизводимых благ на внутреннем рынке). Радикальная критика (по крайней мере, с точки зрения тех, кто ее осуществляет) воплощает собой прогресс без всяких возвращений к элементам прошлого. Но на практике дело может обстоять несколько иначе. Мы не случайно возвращаемся здесь к маржиналистской революции, которая является самым ярким примером радикальной критики. Но, как видим, здесь мы можем наблюдать переход радикальной критики (Джевонс) в инкрементальную (Маршалл).

Критика 3-го типа (тотальная): теория устарела вместе со всей экономической системой

Критики этого типа отвергают не только преобладавшую до сих пор теорию, но и политику и даже экономическую систему, которым она, как предполагается, соответствует.

К такому типу относится критика моральная и идеологическая (за необъективность представителей господствующей теории, ставящих свои концепции на службу господствующему классу или слою общества). Для читателей, не понаслышке знакомых с советским опытом, «идеологическая критика» звучит как приговор. Такая критика, казалось бы, вообще не должна иметь отношения к науке. Но вопрос, возможно, более сложен: обязательно ли пристрастность позиции теоретика ведет к теоретическим искажениям? Известна позиция Шумпетера, который считал, что можно отделить идеологию от теории. Но более распространена другая позиция. Согласно ей, истинная цель идеологии – направить мысль, продиктовать, что может и что не может быть сказано о нашей жизни. Идеология как бы говорит: «не думай», задает вопрос так, что ответ подразумевается сам собой (*Pilkington, 2015. Pp. 16–17*). В современной экономической литературе тотальной критикой, казалось бы, занимаются представители радикальной, феминистской, исламской экономики.

Два слова о научных революциях

Отвержение существующей доминирующей теории есть часть всякой научной революции. Напомним лишь, что революции должны кончиться удачей – хотя бы локальной (Маркс) или частичной («поведенческая революция» Саймона-Катоны). Поэтому Госсена, книга которого осталась незамеченной, мы не можем назвать революционером, хотя он впервые изложил цельную теорию предельной полезности, и амбиции у него были вполне соответствующие. Революции в экономической науке, на наш взгляд, связаны с радикальной критикой. Инкрементальная критика явно не тянет на революционную, а тотальная критика может быть связана с революцией социальной и политической, а не с революцией в рамках экономической науки.

Три типа критики в истории экономической науки

Теперь попробуем, пользуясь нашим разделением на инкрементальную, радикальную и тотальную критику, разобрать несколько известных эпизодов из истории экономической науки.

Смит

Как известно, Адам Смит посвятил критике систем политической экономии книгу IV «Богатства народов». Большая часть ее посвящена критике теории и политики так называемых меркантилистов. Несмотря на достаточно мягкий и умеренный характер самого Смита, эту критику мы причислили бы к тотальной, основанной на моральных аргументах. То, что меркантилисты были склонны мерить богатство в драгоценных металлах, было, с точки зрения Смита, не столько логической ошибкой, сколько аморальной позицией. Политическая экономия, с позиции Смита, должна ставить перед собой цель сделать богаче и население, и властителя, тогда как меркантилисты меряли богатство нации количеством золота в государственной казне, а не благосостоянием ее жителей. Конечно, если мы применим к данному случаю рассуждения об абстракциях в начале статьи, то вспомним, что трактаты и памфлеты меркантилистов предназначались одному читателю – королю или князю, основной хозяйственной заботой которого было содержание армии и двора. Для того чтобы выполнить эту задачу, в казне должно было быть достаточно золота и серебра. Забота о подданных, конечно, тоже находилась в поле зрения властителей, но осуществлялась все же «по остаточному принципу». Таким образом, здесь мы сталкиваемся со сменой не только позиции экономистов, но и господствующей морали. Смит был одним из представителей более демократических взглядов, которые видели благосостояние нации в максимальном счастье для максимального числа людей. Заслуживает моральную критику Смита и экономическая политика, насаждаемая меркантилистами. Монополии и протекционизм, подрывающие свободную конкуренцию, парализуют творческие силы общества. Характерно, что физиократов Смит критикует гораздо более кратко, мягко и, по нашей терминологии, инкрементально. Им достается только за неправомерное сужение источников ценности сферой сельского хозяйства, которое не так трудно исправить. Радикальной же, методологической критики в адрес оппонентов у Смита мы не видим ни в том, ни в другом случае.

Лист

Следующий выдающийся критик – Фридрих Лист, который, в свою очередь, критиковал Смита и его последователей в «Национальной системе политической экономии». Учение Смита Лист считал продолжением физиократической системы и находил в нем серьезные моральные изъяны. Лист противопоставлял теоретической системе классиков, которая основывалась на концепции меновой ценности, свою систему, в центре которой находилась концепция производительных сил (понимаемых, впрочем, достаточно широко, включая инфраструктуру, духовные блага и политические институты).

Концепция меновой ценности, защищающая свободу торговли, отражает точку зрения индивидуального купца (*Pribram*, 1983. P. 213). Меновые ценности имеют отношение только к материалистически настроенным индивидам. Напротив, чтобы создать производительные силы, нужно активное участие коллективистского и морально ориентированного государства.

Помимо критики моральной (за индивидуализм и материализм) Лист обращает против Смита и методологическую. Политическую экономию Смита Лист иронически называл «космополитической», поскольку она абстрагируется от национального уровня анализа. В целом критику Листом Смита можно назвать тотально-радикальной.

Заметим, что последователи Листа, которых в отличие от него принято относить к немецкой исторической школе – Б. Гильдебранд и К. Книс – тоже критиковали подход Смита за неисторичность и излишнюю абстрактность, но считали, что он был вполне адекватен применительно к Англии конца XVIII в. Здесь в позицию немецких экономистов проникали элементы инкрементальной критики.

Маркс

Вероятно, наиболее ярко выраженным «тотальным» критиком в истории экономической науки был Карл Маркс, главный труд которого, «Капитал», имеет, как известно, подзаголовок «Критика политической экономии». Критика Маркса была направлена не только против политической экономии, но и всего капитализма как экономической системы. Последовательность была при этом довольно сложной. Молодой Маркс критиковал капитализм с позиций философии истории (большую роль в этой критике играла категория отчуждения). Но затем настал черед критического разбора существующей экономической науки. Политическая экономия имела дело с самым важным аспектом капитализма. Посвященные осмыслению политической экономии рукописи Маркса, позднее изданные под заглавием «Теории прибавочной стоимости», по сути дела, расчистили поле для «Капитала» (работа над ним началась через пять лет после завершения «Теорий»).

В методологической области Маркс, в отличие от своих предшественников и современников, попытался применить гегелевский диалектический метод. Вместо гипотетических концепций, из которых строится теория Рикардо, Маркс активно применял схоластическую концепцию сущности. Диалектика сущностей и явлений ясно прослеживается между первым и третьим томами «Капитала». Буржуазная политическая экономия основана на объективно искаженных поверхностных представлениях агентов производства и не проникает глубже, на уровень сущностей. Ввиду ее объективной обусловленности, подлинная научная критика (отмена) политической экономии должна состоять в устранении условий, ее порождающих, т. е. капиталистических общественных отношений. Но Маркс проводит четкую границу между восходящей и нисходящей ветвями политической экономии. К первой относится движение в сторону трудовой теории ценности. Петти и Рикардо получают от Маркса высокую оценку за научную честность, путь в правильном направлении. Критика, которую Рикардо тем не менее заслуживает, видимо, можно отнести к инкрементальной (определенную преемственность можно зафиксировать). Но экономистов, отклонившихся от восходящей линии трудовой теории, Маркс относит к вульгарным и апологетическим: пошлый Сэй, плоский синкретист Милль и т.д. То есть критика их моральна (тотальна). Естественно, как можно предположить, особо злонамеренными являются экономисты, игнорирующие истину, сущностный уровень экономических категорий, открытых самим Марксом в «Капитале». Что же касается диалектического метода, то надо констатировать, что последователи Маркса (начиная, вероятно, с Э. Бернштейна) не смогли или не захотели развивать его дальше. В догматическом, «засушенном» виде он сохранился в советских курсах политэкономии, которые изучали наши экономисты многих поколений.

Маржиналисты

Наверное, самым значительным поворотом или переворотом в истории экономической науки следует считать маржиналистскую революцию. Известно, что между тремя «отцами-основателями» маржинализма существовали очень значительные различия (Истоки, 2015. С. 57–130). Сильно отличалось и их самоощущение, сознание своего места в истории науки. Пожалуй, Дживонс в наибольшей степени ощущал себя как революционер, который пошел на разрыв с классической традицией, которую до него воплощал Джон Стюарт Милль. Этот разрыв характеризовался, с одной стороны, сенсуалистскими и утилитаристскими взглядами

Джевонса на человеческую природу⁴, а с другой – его стремлением математизировать экономическую теорию. В итоге Джевонсу удалось создать единую теоретическую схему, опирающуюся на теорию предельной полезности и описывающую производство, обмен, распределение и потребление вместо отдельных теорий, существовавших у классиков (*Perlman, McCann*, 1998. Р. 320). Такую критику можно считать методологической (т. е., радикальной), но не тотальной: речи об изменении экономической системы не заходило, менялся лишь метод ее исследования, который характеризовался «заменой реального мира фиктивной одномерной картиной» (*Ронкалья*, 2018. С. 347). При этом резко повышался уровень абстракции.

Джевонс сохранял элемент преемственности по отношению к утилитаризму Бентама, но не к его экономической теории. Поэтому инкрементальной его критику классической политической экономии мы назвать не сможем.

Что касается другого сооснователя маржинализма Карла Менгера, то ему пришлось выяснять отношения не с классической политической экономией, а с исторической школой, лидировавшей в немецкоязычном пространстве. Вначале он не ощущал себя революционером в науке (посвящение «Оснований» основоположнику исторической школы Вильгельму Рошеру ясно на это указывает). Но после рецензии Г. Шмоллера и в процессе разгоревшегося «спора о методах» Менгер смог сформулировать критику исторической школы. (Отношение Менгера к другим его предшественникам мы оставляем здесь за скобками.) Критика «историцизма» формулировалась Менгером в специализированных методологических трудах, что облегчает ее восприятие. Действительно, его позиция касается принципиальных методологических вопросов: дедуктивизм против индуктивизма, универсальные законы против культурно-исторических (специфических), суждения, свободные от ценностей, против политически ориентированной науки. Перед нами, может быть, наиболее отчетливый пример радикальной методологической критики. Тотальная же критика для них характерна не была, и современный им общественный порядок маржиналисты, как правило, не отвергали, за некоторым исключением (взять, к примеру, умеренно-социалистические взгляды Вальраса).

Веблен

Пожалуй, следующим за Марксом примером тотальной критики в экономической науке можно считать Торстейна Веблена. Она высказана в его работе «Почему экономика до сих пор не эволюционная наука» (*Истоки*, 2005. С. 10–32). Веблен отвергал не только современную ему экономическую науку (классическую и «неоклассическую»⁵), но и капитализм в целом. Казалось бы, моральных аргументов против капитализма и в пользу более совершенного общественного порядка у Веблена не должно было быть (известно, что телеологию он решительно отвергал), но проявляющееся в некоторых его произведениях уважение к техническому прогрессу, которому противостоит институт делового предприятия, а также прославление инженеров как потенциальных лидеров общества однозначно свидетельствуют о его ценностях. Но еще более важен для Веблена новый стандарт научности (идеалом должен быть не Ньютон, не Гегель, а Дарвин). Поэтому основной упор делается на устаревшую методологию политической экономии и, главное, на застывшую гедонистическую концепцию человека, унаследованную от Бентама. Согласно Веблену, человеческую природу надо воспринимать не как данность, а как эндогенную переменную (*Ронкалья*, 2018. С. 441), и экономическое развитие происходит под воздействием культурных и институциональных изменений. Это вполне можно воспринять как радикальную критику, но в рамках экономической науки альтернативу критикуемой классике

⁴ Речь идет о его частичном использовании гедонистической психологии Бентама в «Теории политической экономии», благодаря которой возникла модель человека Джевонса – рационального максимизатора.

⁵ Термин принадлежит самому Веблену и призван показать, что новая маржиналистская теория не лучше прежней классической.

и неоклассике Веблену, по общему мнению, создать не удалось, а его пронизательная критика пошла на пользу скорее социологической теории.

Шумпетер

Экономистом, всегда плывущим против течения, по праву считался Йозеф Шумпетер. Перечислить все критикуемые им концепции в рамках данной работы невозможно, но отметим модель совершенной конкуренции А. Маршалла и К. Викселя, которую Шумпетер оценивал в работе «Капитализм, социализм и демократия». В ходе этой критики Шумпетер отметил, что «значение имеет другая конкуренция, основанная на открытии нового товара и т.д. ... По своим последствиям она относится к традиционной как бомбардировка к взламыванию двери» (*Шумпетер*, 1995. С. 128). Эта новая конкуренция приобрела свое значение сравнительно недавно, что и заставило Шумпетера выдвинуть свою динамическую (и, отметим, вербальную) концепцию конкуренции в 1940-е гг.

Еще один пример из более ранней работы «Теория экономического развития» – критика теории процента Бем-Баверка, которая по сути представляла собой выдвижение на первый план динамического подхода к явлению процента.

В целом можно сказать, что Шумпетер критиковал концепции других авторов за неадекватность новым изменившимся условиям, в которых роль динамических факторов возросла. В наших терминах это следует отнести к инкрементальной критике, несмотря на полемический темперамент автора и эффектное впечатление, которое эта критика производит.

Кейнс

Джон Мейнард Кейнс был достойным и во многих отношениях верным учеником великого «инкременталиста» Альфреда Маршалла, который постоянно подчеркивал свою преемственность относительно не только классиков, но и представителей исторической школы. Однако в историю науки он вошел как основоположник современной макроэкономики, совершивший прорыв в этой области экономической теории. Свои взгляды на экономическую теорию и политику он противопоставлял так называемым классикам, под которыми прежде всего имелся в виду преемник Маршалла по Кембриджу А.С. Пигу⁶. Непосредственным объектом критики Кейнса, особенно в «Общей теории занятости, процента и денег», являлась книга Пигу «The Theory of Unemployment» (1933). Но следует отметить, что элементы тотальной критики появились у Кейнса еще в работе «Конец laissez-faire» 1926 г., где содержится явное признание анахроничности капитализма свободной конкуренции. Кроме того, у Кейнса, очевидно, была своя новая концепция (правда, не всегда явная и не всегда последовательная) того, как должна выглядеть экономическая наука методологически и технически (*Pilkington*, 2015. P. 10). Экономика, по нему, не должна быть похожа ни на физику, ни на биологию – это отрасль логики, способ мышления, моральная наука, имеющая логическую форму (*Perlman, McCann*, 1998. Pp. 388–389).

Пигу и «классики» пользовались слишком простыми и устарелыми моделями, а Кейнс осуществил отказ от жестких детерминированных моделей в пользу «осторожных открытых моделей ad hoc» (*Ронкалья*, 2018. С. 466). Здесь, очевидно, просматриваются элементы радикальной критики.

Впрочем, инкрементальная преемственность у Кейнса тоже присутствует⁷. Так, если в «Трактате о деньгах» он заменил равновесный анализ неравновесным, то в «Общей теории» перешел от неравновесия к равновесию с безработицей, сохранив основную концепцию клас-

⁶ Под классической экономикой Кейнс понимал экономический анализ на той стадии, на которой предполагается, что неопределенность и денежные нарушения не существуют (*Knight*, 1937. P. 101).

⁷ Именно в этом духе его воспринимали экономисты основного течения, рассматривавшие его теоретические нововведения как систему заплаток на классической шубе (*Perlman, McCann*, 1998. P. 402).

сической теории. Таким образом, у Кейнса мы можем найти элементы всех трех типов критики, нами обозначенных.

Лукас

Здесь логично будет перейти к критике самого Кейнса и кейнсианства Робертом Лукасом. Заметим, что нас интересует не знаменитая «критика Лукаса» больших эконометрических моделей, а его личное отношение к экономической теории самого Кейнса. Согласно Лукасу, «Кейнс был политическим активистом от начала до конца, а не ученым-экономистом» (Lucas, 2004. P. 22). Лукас же видел прогресс экономики в лучшей математике, лучших математических формулировках, данных, методах обработки данных, статистических и вычислительных методах. При этом он считал, что этот прогресс не имеет издержек: за технический прогресс в моделировании не приходится платить, например, завышением уровня абстракции. Соответственно Лукас видел свою критику кейнсианства технической (центральное место занимала в ней усовершенствованная модель ожиданий). По мнению не только Лукаса, но и других критиков, Кейнс ввел ожидания экзогенно, поскольку идея их эндогенности была технически не подкреплена, а гипотеза рациональных ожиданий позволила это сделать (Laidler, 2010. P. 40). Кейнсианские построения, к которым можно было отнести модель IS-LM, большие эконометрические модели, кривую Филлипса, не работают, если включить в них рационального ожидающего агента, максимизирующего свою полезность. Т. е. мы имеем дело с радикальной критикой, по крайней мере, если удовлетвориться оценкой самого Лукаса. Однако в целом успех Лукаса обусловили не только методологические, но и идеологические факторы, действовавшие заодно, хотя и скрыто⁸. Прогрессивная техника имела под собой важную идеологическую основу – самодостаточность рынка, так что тотальная критика присутствовала подспудно.

Эконометристы

Особый случай представляет собой полемика вокруг методов не в теории, а в экономико-статистических исследованиях. Здесь, очевидно, нет места для тотальной критики, но радикальная встречается. В качестве примера мы можем привести полемику членов Эконометрического общества (1930-е гг.) и Комиссии Коулза (1940–1950-е гг.) против эмпирических методов, принятых в Национальном бюро экономических исследований под руководством У. Митчелла. Квинтэссенцию этой критики можно найти в труде Коопманса (Koopmans, 1947). Митчелл и NBER понимали строгость анализа не как логическую, а как эмпирическую. В соответствии с институционалистскими идеалами они отвергали высокоабстрактные теории, предлагали графический или вербальный анализ, обработку статистических рядов и описание практики бизнеса. Любимым предметом анализа для Митчелла и NBER стали экономические циклы – объект, особо трудно поддававшийся экономико-теоретическим исследованиям. Даже такие видные теоретики маржиналистского направления, как Девонс, Парето, Пигу, выдвигали на первый план в своих концепциях цикла психологические факторы. Типичный пример институционалистского подхода к циклу – работа Митчелла (Mitchell, 1951). Усилиями НБЭИ была построена система очищенных от сезонности статистических рядов, делившихся на опережающие, совпадающие и запаздывающие индикаторы по отношению к «референтному циклу». Эта система довольно успешно использовалась для прогнозирования цикла и применяется по сей день.

Основатель эконометрики Тинберген, а вслед за ним и Коопманс настаивали, что эконометрические исследования должны базироваться на теоретических концепциях и, в частности, использоваться для эмпирической проверки их. Эконометрики понимали эконометрическую

⁸ Сопоставим мнения двух выдающихся американских экономистов. О. Бланшар: «Идеология не влияет на экономическую теорию»; Дж. Стиглиц: «Рациональные ожидания – триумф идеологии над наукой» (Backhouse, 2010. Pp. 146–147).

модель как промежуточную стадию между теорией и фактами, с которой можно сопоставить и теорию, и факты. Рассуждая в наших терминах, эконометристы занимались радикальной критикой предшествующих экономико-статистических теорий. Интересно, что в последние десятилетия в связи с появлением новой техники обработки больших масс данных, маятник качнулся в обратную сторону (Капелюшников, 2018. С. 110–128). Критерием строгости метода снова стало соответствие данным, анализируемым более точными способами, свойственными естественным наукам (например, медицинской статистике). По сравнению с ними формальная экономическая теория, построенная на абстрактных моделях, в строгости как раз уступает.

Что мы можем сказать в итоге? Чистой картины, кажется, нет. Инкрементальная, радикальная и тотальная критика иногда сочетаются в произведениях одного автора. При этом критика одних предшественников бывает инкрементальной, других – радикальной, а третьих – тотальной. Но чаще один из видов критики преобладает, что объясняется внешними условиями, внутренней логикой развития самой экономической теории, а также особенностями личности каждого критика.

ЛИТЕРАТУРА

- Блок А. (1989). Поэма «Возмездие». Первая глава // Александр Блок. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М.: Правда.
- Истоки (2005): из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Истоки (2015): качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Капелюшников Р.И. (2018). О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Вопросы экономики. №5. С. 110–128.
- Ронкалья А. (2018). Богатство идей. История экономической мысли. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Шумпетер Й.А. (1995). Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика.
- Backhouse R.E. (2010). The Puzzle of Modern Economics. Science or Ideology? Cambridge: Cambridge University Press.
- Boehm S., Gehrke Ch., Kurz H., Storn R. (Eds.) (2002). Is There Progress in Economics? Knowledge, Truth and the History of Economic Thought. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar.
- Knight F. (1937). Unemployment and Mr. Keynes' Revolution in Economic Theory // Canadian Journal of Economics and Political Science. Vol. 11. No. 1. Pp. 100–123.
- Koopmans T. (1947). Measurement without Theory // The Review of Economics and Statistics. Vol. 29. No. 3. Aug. Pp. 161–172.
- Kurz H. (2019). Adam Smith über das Merkantil- und das Agrikultursystem / Hendrik Hansen, Tim Kraski Lic. (Hrsg.) Politischer und wirtschaftlicher Liberalismus. Das Staatsverständnis von Adam Smith. S. 67–92. Nomos-elibrary. Reihe: Staatsverständnisse, Bd. 135.
- Laidler D. (2010). Lucas, Keynes, and the Crisis // Journal of the History of Economic Thought. Vol. 32. No. 1. Pp. 39–62.
- Lucas R. (2004). My Keynesian education / M. de Vroey, K. Hoover (Eds.). The IS-LM model: its Rise, Fall and Strange Persistence. Annual Supplement to HOPE 2004. Durham: Duke University Press.
- Mitchell W.C. (1951). What Happens During Business Cycles: A Progress Report. Boston, NBER, Books from National Bureau of Economic Research, Inc.

Pasinetti L. (2002). Progress in Economics / Boehm S., Gehrke Ch., Kurz H., Storn R. (Eds.). Is There Progress in Economics? Knowledge, Truth and the History of Economic Thought. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar. Pp. 131–135.

Perlman M., McCann C.R. Jr. (1998). The Pillars of Economic Understanding: Ideas and Traditions. Ann Arbor: The University of Michigan Press.

Pilkington Ph. (2015). The Reformation in Economics. A Deconstruction and Reconstruction of Economic Theory. L.: Palgrave Macmillan.

Pribram K. (1983). A History of Economic Reasoning. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.

Глава 2

Мериторный и либертарианский патернализм: общее и особенное

А.Я. Рубинштейн

В главе рассматриваются отстоящие друг от друга на полстолетия две теории, обосновывающие государственное вмешательство в рыночные отношения, – «Теория мериторных благ» Ричарда Масгрейва и «Либертарианский патернализм» Ричарда Талера. В рамках сравнительного методологического исследования обсуждаются истоки и предпосылки указанных теоретических конструкций, характерный для каждой из них дизайн государственного вмешательства, а также критика мериторного и либертарианского патернализма. Обосновывается тезис, что обе теории опираются на одни и те же исходные предпосылки, предполагают одинаковые цели вмешательства государства, формулируется вывод – в них больше общего, нежели различного. Отличает их лишь институциональный дизайн «подталкивания»: в одном случае речь идет о создании экономических стимулов для правильного индивидуального выбора, в другом – манипулировании «опцией по умолчанию», где используется арсенал психологических средств.

Показано, что при всей новизне «новый патернализм» – это, по сути, основанная не просто на допущении нерациональности индивидуумов, а на ее психологическом объяснении «новая меритория», созданная поведенческими экономистами и ставшая частью мейнстрима, что и обуславливает ответ на поставленный вопрос. Вместе с тем этот ответ не дает целостной картины, а негативная коннотация патернализма по-прежнему сохраняется в экономической науке. В главе также раскрывается другая сторона успеха либертарианского патернализма: присущая теории Масгрейва «языковая игра» начала 50-х гг. устарела, и потому сама теория оказалась в числе «забытых», а концепция Талера и его коллег соответствует новой «языковой игре», ключевыми элементами которой являются слово «либерализм» и речевые конструкции, соответствующие современному языку и терминологии основного русла экономической теории.

Введение

Вряд ли кто-то решится утверждать, что некоторые научные теории исходно несут в себе ген истинности, а другие, не имея нужной хромосомы, обречены на забвение. История мысли говорит об обратном: свидетельствуя в пользу принципа фальсификации (*Поппер*, 1983. С. 112–123), она указывает на отсутствие непогрешимых концепций. Так почему же тогда одни теоретические построения приобретают сторонников, последователей и даже успешно применяются на практике, а другие находятся под огнем критики или вовсе оказываются незамеченными?

Может быть, дело в исходных предпосылках? Но здесь далеко не все ясно, потому как и сами предпосылки не могут считаться истиной в последней инстанции⁹. Нет достаточных объяснений и в смене парадигм, отличающих старые и новые теории, ибо еще больше вопросов вызывает разная «судьба» близких по методологии и историческому времени теоретических концептов. С учетом такого видения и в этой оптике в данной главе будут проанализированы в сравнении почти забытая мериторика Ричарда Масгрейва и весьма популярный ныне либертарианский патернализм, их общее и особенное.

⁹ Любые предпосылки зависят часто от того, как исследователь смотрит на мир в данный момент времени и в данных обстоятельствах. «Великий философ XX века Людвиг Витгенштейн как-то спросил своего друга: «Почему люди всегда говорят, что было естественно предположить вращение Солнца вокруг Земли, а не Земли вокруг Солнца?» Друг ответил: «Понятно почему – зрительно кажется, что Солнце вращается вокруг Земли» (*Доккинз*, 2008. С. 383).

Истоки

Рождение мериторики экономисты справедливо связывают с появлением «Теории общественных финансов». Успех этой книги в большой степени был обусловлен новаторским введением в анализ бюджетных расходов двух, принципиально разных, функций: удовлетворение «социальных потребностей», отражающих совокупность предпочтений индивидуумов, и «мериторных потребностей общества» (*Musgrave, 1959. P. 13*), которые, говоря современным языком, к ним не сводятся (*Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 180*).

Отметим, что эту знаменитую книгу, переведенную впоследствии на многие языки, Масгрейв готовил довольно долго. Еще в 1931–1933 гг., будучи студентом Гейдельбергского университета, он более всего интересовался проблемами общественного сектора экономики, которые оставались предметом его исследований и в период обучения в аспирантуре Гарвардского университета в 1934–1937 гг. При этом главным образом Масгрейв занимался общественными финансами; успешный старт его научной карьере положила, по-видимому, статья «The Voluntary Exchange Theory of Public Economy» (*Musgrave, 1939*), опубликованная за двадцать лет до «Теории общественных финансов» («The Theory of Public Finance») и спустя два года после защиты докторской диссертации в Гарвардском университете (*Musgrave, 1937*).

До работ Р. Масгрейва расходы государства в соответствии с англосаксонской традицией обуславливались производством общественных благ. Этот взгляд на общественные финансы, прошедший со временем через сито «камерализма», немецкой «Finanzwissenschaft», итальянской «Scienza delle Finanze» (*Wagner, 1883; Stein v., 1885; Mazzola, 1890; De Viti de Marco, 1936*), и «маржиналистской революции», был закреплен в «Чистой теории общественных расходов» (*Samuelson, 1954*). Испытывая неудовлетворенность объяснениями расходов государства лишь необходимостью предоставления общественных товаров, Р. Масгрейв предложил концепцию «мериторных благ» (*Musgrave, 1959*), которая, по выражению Десмаре-Трембле, имела «тернистую историю» (*Desmarais-Tremblay, 2017*). С появлением этой теории общественных финансов сформировался новый взгляд на функции государства в сфере распределения ресурсов, который в значительной мере определил современную практику бюджетной политики.

Следует особо подчеркнуть, что введенная им категория мериторных потребностей не позволяет рассматривать разработанную теорию с позиций развития индивидуалистической методологии общественных расходов (*Samuelson, 1954*), и, наоборот, она определяет «альтернативную норму» экономической теории (*Musgrave, 1987. P. 453; Head, 1988. P. 37*). Собственно, именно альтернативная норма, вызванная общим скепсисом в отношении рационального поведения людей, и породила концепцию мериторного патернализма с ее особым объяснением вмешательства государства в потребительские предпочтения индивидуумов (*Musgrave, 1959. P. 13; De Amico, 2009. Pp. 24–25*).

Рассмотрев ряд конкретных проблем микроэкономики – наличие у индивидуумов дефицита информации, воли, ресурсов и т. п., Масгрейв показал, что некоторые спорные вопросы, вытекающие из нерациональности индивидуумов, могут быть успешно решены, если использовать предложенный им подход. Главное же, на что надо обратить внимание в контексте настоящего исследования, относится к истокам самой мериторики – бюджетным расходам, направленным на удовлетворение особых потребностей общества, обусловленных его *нормативным стандартом*, отличающимся от предпочтений индивидуумов.

Иная история характерна для концепции «либертарианского патернализма», истоки которого лежат в поведенческой экономике. Это направление исследований, по ряду оценок, изменило «облик экономической науки» (*Капелюшников, 2013а. С. 68*), дополнив ее экспериментальными методами анализа (*Kahneman, Tversky, 1974, 1979; Tversky, Kahneman, 1986*;

Kahneman, Knetsch, Thaler, 1990). Черты принципиально нового подхода к анализу поведения людей унаследовал и «либертарианский патернализм» (*Benartzi, Thaler, 2007, 2013*).

Причем, если Масгрейв рассматривал мериторный патернализм как способ исправления нерационального выбора индивидуумов в известных ситуациях (*дефицит информации, воли и ресурсов*), то Талер и его коллеги сформировали собственную коллекцию нерационального поведения, опирающуюся на психологические особенности человека: эффект надделенности (*endowment effect*), неприятие потерь (*loss aversion*), ментальность учета (*mental accounting*), точка отсчета (*reference point*), гиперболическое дисконтирование и т.д. (*Капелюшников, 2013б; Воробьев, Майборода, 2017; Паниди, 2017; Белянин, 2018*).

В методологическом же плане опорой послужил все тот же отказ от абсолютизации рациональности поведения индивидуумов, обоснованность которого поведенческие экономисты доказывали с помощью ряда лабораторных экспериментов. Но если Масгрейв, почти «стесняясь», обосновывал мериторный патернализм, стараясь не представлять вмешательство государства в нежелательном свете (*Рубинштейн, 2010. С. 45–46*), то поведенческие экономисты и непосредственно Талер произвели «настоящий переворот в нормативном экономическом анализе, полностью отбросив антипатерналистскую установку» (*Капелюшников, 2013а. С. 68*). Более того, Талер и его коллеги постарались преподнести патернализм в «белых одеждах» либерализма, убеждая себя и экономическое сообщество, что «либертарианский патернализм – это не оксюморон» (*Sunstein, Thaler, 2003b*)¹⁰. Это ключевое утверждение Р. Талера «интуитивно понять невозможно» (*counterintuitive*)¹¹. Но, можно ли в принципе *сосуществование* «свободы выбора» и «патернализма» подтвердить, подобно физикам, строгой теорией? Похоже, нет. Объяснение такого симбиоза оправдано лишь на метафорическом уровне. При этом отмечу, что метафорические оксюмороны украшают многие литературные произведения. В качестве примера можно привести «Мертвые души» Гоголя и «Живой труп» Толстого.

Если же отвлечься от литературы, то любой патернализм – мериторный, либертарианский или асимметричный (*Camerer et al., 2003*), остается патернализмом, который по природе своей «отбирает» часть свобод индивидуума. В этом смысле «подталкивание» (*nudge*) людей к принятию верных, с точки зрения патера, индивидуальных решений мало чем отличается от стимулирующих механизмов мериторики¹².

¹⁰ «Поразительно, как часто люди не видят различия между утверждениями “X – истинно” и “хотелось бы, чтобы все верили, что X – истинно”» (*Докинз, 2008. С. 367*). См. также: (*Mitchell, 2005*).

¹¹ В одном из главных экспериментов квантовой физики поток электронов направлялся на экран, где есть две щели, а за экраном установлен детектор, который позволял измерить прохождение электронов через эти щели. Повторенный множество раз данный эксперимент показал, что электрон проходит через *обе* щели, причем *одновременно* (!!). Сами физики для описания этой и ряда подобных ситуаций используют термин «*counterintuitive*» (интуитивно понять невозможно), предлагая взамен строгую математическую теорию, объясняющую экспериментальный факт.

¹² «То, что называется подталкиванием, можно назвать и манипулированием, т. е. использованием знания о человеке для ограничения его воли» (*Белянин, 2018. С. 21*).

Исходные предпосылки

Сопоставим теперь исходные предпосылки мериторного и либертарианского патернализма. Подчеркну, и та, и другая концепции базируются на скептицизме в отношении рационального и ограниченно рационального поведения индивидуумов (*Katona, 1951; Simon, 1955*), который в конечном счете перерос в поведенческую экономику с присущими ей экспериментальными исследованиями (*Chamberlin, 1948; Smith, 1962*). При этом повторю, исходной предпосылкой концепций мериторного и либертарианского патернализма послужило одинаковое признание возможности иррациональности индивидуумов.

Следует обратить внимание и на одинаковый характер объяснений, почему в случае нерационального поведения целесообразно государственное вмешательство, будь то мериторный или либертарианский патернализм. Так, несмотря на определенное различие в причинах нерационального поведения, оба подхода опираются на одну и ту же методологическую конструкцию множественности «Я» с фактической легитимацией патернализма, направленного на поддержку того «Я», предпочтения которого совпадают с предпочтениями «патера», соответствующими его нормативному стандарту.

И теория мериторных благ, и концепция либертарианского патернализма исходят из общей посылки, что в индивидууме «живут» многие «Я», обладающие различными наборами предпочтений. В агрегированной форме такая модель постулирует некое «раздвоение личности» – одновременное исполнение человеком ролей безвольной жертвы искусителя («исполнитель») и ее рационального антипода и «гордости создателя» («программатор»). Если «исполнитель» ориентируется на эгоистические и близорукие действия, то «программатор» стремится к реализации долгосрочных и просвещенных интересов (*Thaler, Shefrin, 1981. Pp. 392–406*)¹³.

Интересно, что в обеих теориях, при допущении наличия «искаженных» и «истинных» предпочтений индивидуумов, в обоснование исходных предпосылок и методологии используется одна и та же работа Талера и Шеффрина. Причем одни авторы считают, что она имеет непосредственное отношение к мериторики (*Head, 1988. P. 30; Koboldt, 1995. S.13; Tietzel, Muller, 1998. S. 117*), а другие – к либертарианскому патернализму (*Sunstein, Thaler, 2003a, b*).

В этой логике определяется и нормативный стандарт. Каждая из анализируемых теорий прямо или косвенно утверждает, что она опирается на истинные предпочтения индивидуумов. Не допуская того, что патер может иметь собственные предпочтения¹⁴, отличные от предпочтений индивидуумов, они постулируют нормативный стандарт как *тождественный* «истинным предпочтениям» индивидуумов. Иначе говоря, мериторный и либертарианский патернализм, по твердому убеждению их создателей, направлен на помощь людям в достижении лишь всего того, чего хотят они сами. При этом обе теории никак не обосновывают указанное тождество и, главное, само *знание* патером истинных предпочтений индивидуумов.

Масгрейв, конструируя нормативный стандарт, рассматривает его как результат передачи в «политический траст» предпочтений индивидуумов и *дефинитивно* декларирует совпадение между их «истинными» предпочтениями и предпочтениями политиков (*Рубинштейн, 2010. С. 46–47*). Также без должного обоснования постулируются знание истинных предпочтений индивидуумов и нормативный стандарт в либертарианском патернализме: «Патерналистский

¹³ Опубликованная в «рабочих тетрадях» (*Shefrin, Thaler, 1978*), а затем в журнальной статье (*Thaler, Shefrin, 1981*) эта концептуальная модель человека восходит к более раннему исследованию других авторов, в котором Уолтер Шнейдер и Ричард Шиффрин, рассматривая гипотезу о наличии у человека двух когнитивных систем, обнаружили «борьбу разума с интуицией» – прообраз будущих теоретических построений с множественностью «Я» (*Schneider, Shiffrin, 1977a, b*).

¹⁴ Заметим, что существование собственных предпочтений патера вместе со сформированным им нормативным стандартом, не сводимым к предпочтениям индивидуумов, отличает категорию патернализма в КЭС и Теории опекаемых благ от мериторного и либертарианского патернализма.

аспект состоит в том, что архитекторы выбора наделяются полномочиями влиять на поведение людей с целью оздоровления, улучшения и продления жизни» (*Талер, Санстейн, 2018. С. 15*).

Механизмы вмешательства государства

Одно из самых распространенных объяснений вмешательства государства и в мериторике, и в концепции либертарианского патернализма обусловлено вполне человеческими причинами – дефицитом воли людей или их недостаточной информированностью, из-за которых они не всегда действуют в своих интересах. Обе теории декларируют в качестве цели государственного вмешательства стимулирование (подталкивание) индивидуумов к принятию верных с позиций патера решений.

Так, в соответствии с либертарианским патернализмом «социально желательные изменения в человеческом поведении могут быть достигнуты путем проведения минимально агрессивной политики, которая подталкивает людей к принятию правильных для них решений» (Воробьева, Майборода, 2017. С. 10). Главным же инструментом мериторики являются субсидии и налоговые льготы производителям соответствующих благ или трансферты их потребителям, которые генерируют экономические стимулы, подталкивающие к принятию индивидуальных решений, отвечающих желанию патера обеспечить «оздоровление людей, улучшение и продление их жизни» (Musgrave, 1969. P. 147; 1974. S. 10; 1987. Pp. 452–453). В этом контексте характер вмешательства государства выглядит почти одинаковым.

Следует обратить внимание на особенность либертарианского патернализма, отличающую данный тип государственных интервенций от традиционного патернализма, которая заключена в специальном инструментарии с психологической начинкой – манипулирование так называемой опцией по умолчанию (*default option*). В том числе она предоставляет право индивидууму «отказаться от выбора» (Либман, 2013. С. 33). Однако и здесь, несмотря на разный дизайн вмешательства, не видно больших различий между мериторным и либертарианским патернализмом. Предоставление субсидий и налоговых льгот производителям, снижающим цену блага, или трансфертов потребителям, повышающих их покупательную способность¹⁵, также сохраняет за индивидуумами право «отказаться от выбора» и не потреблять это благо в объеме, за который ратует патер (Andel, 1984. S. 644).

И все же различия в механизмах подталкивания, характерных для мериторики и либертарианского патернализма, существуют. Дело в том, что сравнение дизайна государственного вмешательства не исчерпывается возможностью отказа индивидуумов от выбора, к которому стремится патер. Да и сам этот отказ имеет для индивидуумов разные последствия: в либертарианском патернализме они выглядят экономически более мягкими. В сущности, для индивидуума, наверное, вообще ничего не изменится, если, игнорируя нормативный стандарт патера, он не изменяет свои предпочтения и выбирает то, что ему нравится. В мериторике же отказ от такого стандартного инструмента, как денежный трансферт, вызовет снижение платежеспособности индивидуума.

Добавлю к этому, что кроме отказа изменять свои предпочтения, отвечая представлениям патера о лучшем выборе, следует обратить внимание и на тот факт, что психологические средства воздействия на решение индивидуума, присущие либертарианскому патернализму, обходятся государству дешевле, нежели создание мериторных стимулов, требующих, как правило, государственных расходов в форме субсидий, налоговых льгот и/или трансфертов. И все же сопоставление мериторного и либертарианского патернализма свидетельствует, что в указанных двух теориях явно больше общего, нежели различного.

¹⁵ В поведенческой экономике и либертарианском патернализме изменение цены на потребляемое благо или трансферт его потребителям рассматривают обычно в оптике «справедливой цены» (Kahneman, Knetsch, Thaler, 1990). См. также: (Воробьев, Майборода, 2017. С. 10–11).

Можно утверждать, что обе теории опираются на одни и те же исходные предпосылки, предполагают фактически одинаковые цели вмешательства в потребительский выбор индивидуумов, направленный на его приближение к нормативному стандарту патера. Отличает их институциональный дизайн подталкивания: в одном случае речь идет о создании экономических стимулов для правильного индивидуального выбора, в другом – о манипулировании «опцией по умолчанию», где используется арсенал психологических средств (табл. 2.1). Неудивительным поэтому выглядит и тот факт, что критика в адрес мериторного и либертарианского патернализма осуществляется фактически по одинаковому сценарию, по одним и тем же основаниям, характеризующим его природу.

Таблица 2.1. Сравнительный анализ

	Мериторный патернализм	Либертарианский патернализм
Истоки	Теория общественных финансов	Поведенческая экономика
Предпосылки	Возможность нерационального поведения индивидуумов	Возможность нерационального поведения индивидуумов
	Модель человека – множественность «Я»	Модель человека – множественность «Я»
	Наличие «истинных» и «искаженных» предпочтений индивидуумов	Наличие «истинных» и «искаженных» предпочтений индивидуумов
	Нормативный стандарт – дефинитивное знание «истинных» предпочтений	Нормативный стандарт – дефинитивное знание «истинных» предпочтений
Механизмы вмешательства	Субсидии, налоговые льготы, трансферты	Подталкивание, манипулирование «опцией по умолчанию»

Критика

За более чем полувековую историю мериторики ей были посвящены многочисленные исследования, отмечающие слабые и сильные стороны этой концепции¹⁶. Напуганные досмитовской феодальной властью, а затем, сильнее прежнего, тоталитарной экономикой национал-социализма и коммунизма, когда государственное вмешательство и подавление частной инициативы стали сутью системы хозяйствования, либеральные экономисты возвели индивидуалистическую ортодоксию в ранг непреложной истины. И тогда всякая теоретическая концепция стала подвергаться обязательному тестированию на верность индивидуалистической методологии.

В эпицентре таких проверок на «чистоту крови» оказалась и мериторика Масгрейва, предполагающая коррекцию индивидуальных предпочтений и государственный патернализм. Достаточно вспомнить дискуссию вокруг этой теории, чтобы выделить ее главные вопросы – в какой мере мериторную активность государства можно обосновать с индивидуалистических позиций, и насколько это вообще реально сделать¹⁷. Сам же Масгрейв был твердо уверен, что он придерживается исключительно «индивидуалистической парадигмы договорного общества индивидуумов» (*Рубинштейн*, 2009. С. 108).

Однако, объяснения Масгрейва не во всем убеждали критиков мериторики, которые справедливо видели в данной концепции прямое нарушение суверенитета потребителей (*McLure*, 1990, S. 479; *Brennan, Lomasky*, 1983. S. 183–206; *Head*, 1988. Pp. 1–37; *Priddat*, 1992. S. 239–259; *Koboldt*, 1995. S. 153). И хотя не всегда благие намерения государства «ведут в ад», дела, по сути, это не меняет – вмешательство в потребительский выбор остается вмешательством, ограничивающим свободу человека. Наиболее развернутая критика мериторного патернализма, с учетом его ахиллесовой пяты – незнания патером истинных предпочтений индивидуумов, и других, уже упоминавшихся, базовых предпосылок данной теории – содержится в работах (*Schmidt*, 1988; *Tietzel, Muller*, 1998; *Muller, Tietzel*, 2002; *Рубинштейн*, 2018. С. 160–208)¹⁸.

Обширная литература посвящена и либертарианскому патернализму¹⁹. И совсем не удивительно, что критический «обстрел» этой теории идет по тем же реперным точкам (*defining points*), которые определяют основания мериторики. В другое время и другие ученые высказывали свои сомнения в отношении корректности исходных предпосылок либертарианского патернализма (*Glaeser*, 2004, 2006; *Mitchell*, 2005; *Leonard*, 2008; *De Amico*, 2009; *Hausman and Welch*, 2010; *Grüne-Yanoff*, 2012; *Либман*, 2013; *Капелюшников*, 2013b, c; *Воробьев, Майборода*, 2017; *Epstein*, 2018; *Le Grand*, 2018).

Подчеркнем особо, что при всей новизне «нового патернализма» его можно рассматривать в качестве «второго открытия» мериторики, которое сделали поведенческие экономисты, продемонстрировавшие на экспериментах множество конкретных ситуаций, когда люди в определенных обстоятельствах принимают не лучшие для себя решения. С точки же зрения исходных предпосылок и методологии, либертарианский патернализм почти ничем не отли-

¹⁶ Подробный обзор публикаций на эту тему, включая исследования Хеда (1966), Анделя (1984); Шмидта (1988), Приддаты (1992), Титцеля и Мюллера (1998), представлен в монографии (*Гриберг, Рубинштейн*, 2000. С. 55–87, 105–112).

¹⁷ Заметим, что полувековое обсуждение концепции Масгрейва больше походит на своеобразный свод попыток устранения противоречий между декларативно индивидуалистическим образом государства и его очевидно не индивидуалистическими мериторными действиями.

¹⁸ Курт Шмидт в качестве эпиграфа к статье «Еще к вопросу о мериторике» приводит слова Альфреда де Мюссе из его «Лорензаччо»: «Не натвори чего-нибудь, Филипп, ведь ты подумал о счастье человечества» (*Schmidt*, 1988).

¹⁹ Следует обратить внимание на специальный выпуск журнала *Review of Behavioral Economics* (2018. December. Vol. 5, Issue 3–4), в котором опубликованы материалы конференции, посвященные поведенческой экономике и патернализму, включая выступления М. Дольда, С. Конли, Д. Ле Гранда, М. Риццо, Р. Сагдена, Д. Хаусмана, К. Шуберга, Р. Эпштейна и др.

чается от мериторного вмешательства в потребительские предпочтения индивидуумов (*De Amico*, 2009; *Kirchgaessner*, 2012). «Разница между ним и традиционным, «старым», патернализмом оказывается чисто символической: в конечном счете и тот, и другой нацелены на то, чтобы навязывать людям – вопреки их желанию – чуждые им поведенческие нормы» (*Канелошников*, 2013с. С. 41).

Нетрудно понять также, что патернализм в любой форме основан на нормативном знании – «как должно быть». Поэтому вполне ожидаемыми следует считать и упреки со стороны специалистов, стоящих на платформе позитивного экономического анализа. По мнению Р. Сагдена, например, либертарианский патернализм – это «концепция, предусматривающая плановика, несущего ответственность за сопоставление сведений об индивидуальных предпочтениях и благосостоянии, который затем, руководствуясь этими данными, будет способствовать росту всеобщего блага» (*Sugden*, 2008. Р. 229). Де-факто же эта теория, как и меритория, исходит из предположения, что потери благосостояния из-за поведенческих провалов индивидуумов превосходят издержки общества, направленные на их устранение (*Wright, Ginsburg*, 2012)²⁰.

Рассмотрев принципиальные замечания, я оставил в стороне претензии, непосредственно касающиеся «каталога» нерационального поведения индивидуумов в поведенческой экономике и случаев нерациональности в меритории. Данному аспекту сравниваемых теорий посвящено множество работ экономистов, психологов, социологов и даже юристов. С позиций же настоящего исследования эти вопросы характеризуют частные особенности мериторного и поведенческого подходов, генетически связанные с истоками указанных теорий, но не меняющие отношения к их общей методологической основе, – отказу от абсолютизации рационального поведения индивидуумов и легитимации патернализма государства.

Как же случилось, что близкие по исходным посылкам и методологии, наконец, по характеру критических замечаний теории совершенно по-разному воспринимаются сообществом экономистов? Почему меритория осталась в прошлом, а идеи поведенческой теории, получив признание и став частью мейнстрима, применяются в различных разделах экономической науки и практики, где отклонение от нормативных стандартов, так же как и в меритории, служит основанием патерналистских действий государства?

Конечно, надо учитывать, что сравниваемые теории разделяет почти половина столетия. За этот период экономическая наука и экономическое сообщество изменились качественно. Можно говорить, наверное, об эмпирическом сдвиге в экономических исследованиях, о накопленном огромном опытном материале и новых возможностях его обработки (*big data*). Всего этого во времена Масгрейва не было и, наоборот, стало одним из оснований поведенческой и экспериментальной экономики, из которых, собственно, и вырос либертарианский патернализм.

Судя по всему, именно эти обстоятельства и дают ответ на основной вопрос, обозначенный в данной главе, с которым, наверное, согласятся большинство экономистов, признающих закономерность успеха либертарианского патернализма. При этом выполненный анализ свидетельствует, что либертарианский патернализм в методологическом плане представляет ту же самую мериторику, но на другом витке спирали экономической мысли. Я склонен думать, что либертарианский патернализм – это «новая меритория», в основании которой лежит не просто допущение нерациональности индивидуумов, а его психологическое обоснование, созданное поведенческой экономикой. Объяснением успеха этой теории, служат, наверное, и заслуга

²⁰ Скорее всего, это не соответствует действительности. В качестве дополнительного аргумента приведу предостерегающие слова Эдварда Глейзера: «Человеческие существа, постоянно ошибаются, но потери в благосостоянии, которыми чреватые частные ошибки, конечно же, не идут ни в какое сравнение с потерями в благосостоянии, которыми чреватые ошибки правил. Индивиды могут медлить с принятием решений или инвестировать нелепым образом, но они не сажают по своему произволу людей в концентрационные лагеря» (*Glaeser*, 2004. Р. 412, цит. по: (*Канелошников*, 2013с. С. 37)).

собственно «поведенческой экономики, способствовавшей обретению экономической теорией статуса “экспериментальной науки”» (*Капелюшников, 2013а. С. 12*).

Вместе с тем относится это лишь к поведенческой экономике в целом, ставшей частью основного русла экономической теории. При этом негативная коннотация патернализма и философия, пусть не классического либерализма, но все же экономической свободы, по-прежнему сохраняются в экономической науке. Так почему же прилагательные «либертарианский» и «асимметричный», в отличие от «мериторного», послужили оправданием патернализма в его прямых нарушениях свободы потребительского выбора индивидуума? Наконец, почему один из уязвимых элементов поведенческой экономики – экспериментальные демонстрации аномалий поведения людей, подвергаясь регулярной критике экономистов²¹, стали одновременно визитной карточкой и пропуском либертарианского патернализма в современный мейнстрим?

Думаю, что сформулированный выше ответ не дает все же целостной картины. Поэтому мне представляется важным дополнить его еще одним соображением, раскрывающим другую сторону успеха нового патернализма, за пределами истоков и предпосылок сравниваемых теорий. Речь идет о гипотезе Дейдры Макклоски, опираясь на которую можно предположить, что причины данного феномена кроются в риторике, в словарных средствах убеждения экономического сообщества (*Макклоски, 2015*).

²¹ Один из многих обзоров критических замечаний по данной теме представлен в статье (*Воробьев, Майборода, 2017. С. 13–14*). См. также: (*Waldfoegel, 2005; Plott, Zeiler, 2011; Капелюшников, 2013b. С. 75–79*).

Языковые игры?

Используя этот вердикт и категории «мысли и язык», присущие концепции Людвиг Витгенштейна, ответы на поставленные вопросы можно найти в его «фоновом пространстве значений»²². Так, цитируя Витгенштейна, А. Ронкалья подчеркивает, что существует не один тип языка, но «бесчисленное множество таких типов – бесконечно разнообразны виды употребления всего того, что мы называем “знаками”, “словами”, “предложениями”. И эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, наоборот, возникают новые типы языка или, можно сказать, новые “языковые игры”, а другие устаревают и *забываются*» (Витгенштейн, 1994. С. 90)²³.

Судя по всему, языковая игра, присущая теории Масгрейва, устарела и потому оказалась в числе «забытых», а концепция Талера и его коллег, рожденная поведенческой экономикой, соответствует новой языковой игре, ключевыми элементами которой остаются слово «либерализм» и речевые конструкции, соответствующие языку и терминологии основного русла экономической теории – «риторики мейнстрима» (Болдырев, 2008. С. 22).

Именно данная речевая конструкция – «либертарианский патернализм», несмотря на то, что это оксюморон, создала иллюзию свободы индивидуума и оказалась в границах доминантной модальности фонового пространства мейнстрима, что, собственно, и определило успех либертарианского патернализма у экономистов и его привлекательность для политиков. В этом смысле речевые конструкции, относящиеся к бюджетной политике, процессам распределения и перераспределения с целью реализации мериторных потребностей общества, плохо вписываются в фоновое пространство значений современной экономической теории, даже в ситуации, когда сама эта политика является неотъемлемым элементом практики современного государства. Иначе говоря, сконструированный Талером оксюморон стал речевой конструкцией – языковой игрой, которая в глазах многих исследователей создала иллюзию примирения индивидуалистического характера господствующей экономической теории и свободы потребительского выбора индивидуумов с фактическим вмешательством государства в этот выбор²⁴.

* * *

Перефразируя Норта, можно сказать – слово имеет значение. Но дело не только в этом. Хочу обратить внимание и на другой аспект научного дискурса. По-видимому, мы наблюдаем очередной этап эволюции государства (Ананьин и др., 2018. С. 42–63), его перерастания из государства благосостояния в патерналистское (Капелюшников, 2013с. С. 28–32) и, главное, изменение в этой эволюции самой парадигмы патернализма. Речь идет о смысловой трансформации данного понятия: от негативной коннотации, характерной для патриархального содержания патернализма, как системы отношений, основанной на подчинении индивидуумов патеру, заботящемуся об их счастье и указывающему, что надо для этого делать, до более сдержанного отношения к вмешательству государства в индивидуальный выбор индивидуумов.

²² Иллюстрируя идеи Витгенштейна, канадский философ и культуролог Чарльз Тейлор отмечает: «Мысли подразумевают и требуют фоновое пространство значений для того, чтобы быть теми мыслями, которыми они являются» (Тейлор, 2001. С. 10).

²³ Цит. по: (Ронкалья, 2018. С. 90).

²⁴ «Иллюзионизм» – это подмена, совершаемая автором: придуманные им самим, сконструированные понятия он выдает за нечто объективное, независимое от его воли. Этот «код» экономического дискурса предложил Милберг» (цит. по: (Болдырев, 2008. С. 10)).

В этой эволюции «отсутствие необходимой теоретической санкции долгое время сдерживало «врожденные» патерналистские устремления современных государств. ... Ситуация изменилась, когда поведенческая экономика такую санкцию предоставила» (там же. 2013с. С. 44). Не менее важен и тот факт, что поведенческие экономисты, а вслед за ними и авторы либертарианского патернализма, в своей языковой игре придали государственному вмешательству интеллектуальную респектабельность. В то же время речевые конструкции мериторики не вписываются в языковую игру мейнстрима с его негативным отношением к патернализму.

Сделаю еще одно замечание в отношении главной предпосылки сравниваемых теорий. Дело в том, что наблюдаемое изменение парадигмы патернализма непосредственно связано с признанием возможности поведенческого провала – нерационального поведения индивидуумов, наносящего ущерб своему благосостоянию. Рассматривая подобные ситуации, современная теория акцептировала вмешательство государства.

Иначе говоря, признание возможности нерационального поведения тождественно легитимации патернализма. В этом смысле и мериторный, и либертарианский патернализм, строго говоря, являются частными случаями теории опекаемых благ, определяющей патернализм как неотъемлемый элемент существования государства – с его позитивными и негативными последствиями вне зависимости от языкового оформления концепции государственного вмешательства (*Рубинштейн, 2018*).

Что же касается сравнения мериторного и либертарианского патернализма, то соглашусь со справедливым замечанием А. Либмана: «Многие выводы современной поведенческой экономики в нормативном плане полностью идентичны утверждениям Р. Масгрейва, хотя это обсуждается гораздо реже, чем следовало бы» (*Либман, 2013. С. 38*).

ЛИТЕРАТУРА

Ананьин О.И., Воейков М.И., Гловели Г.Д., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (2018). На пути к новой экономической теории государства / Под ред. А.Я. Рубинштейна. М.: Институт экономики РАН.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.